

КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Представление о «хорошей речи» в современной русской речевой культуре [Хорошая речь 2001] восходит к традиционному (народному), охватывающему целый ряд конкретных коммуникативных приоритетов и норм [Вежбицкая 2001; Дементьев, Рогачева 2006; Карасик 2002; Шмелев 2002]. В русской традиционной языковой картине мира, для которой являются принципиально важными такие безэквивалентные концепты, как *душа*, *правда* и их собственно коммуникативные производные (коммуникативные концепты) типа *разговор по душам*, *открыть душу* и т.п., эта коммуникативная *правда*, нравственный суд, правильные жизненные ориентиры – а также, что очень важно, обсуждение всех этих вещей – должны быть скорее эмоциональны и несколько нелогичны. Особенно это касается норм неофициального межличностного общения [Уваров 1998].

В качестве базовой концепции принимается распространенная в современной русистике, культурологии и философии идея об общей оппозитивности русской национальной (народной, православной) культуры [Лотман, Успенский 1994; Вежбицкая 2002], обуславливающей полярность оценочных коммуникативных действий, в том числе системы личностно нейтральных и личностно ненейтральных фатических речевых жанров (бытовых и бытийных), системы личностно нейтральных и личностно ненейтральных обращений, средств речевого этикета.

В русской коммуникации и языке выделяется оценочная оппозиция, которая в общих чертах может быть охарактеризована как *п р о т и в о п о с т а в л е н и е* (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) *н а ч а л а* в целом *п е р с о н а л ь н о г о*, *л и ч н о с т н о г о* и *м е ж -*

личностного — и начала социального, неличного (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка — и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р, [Р] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие Р, [-Р] оценивается отрицательно. Это хорошо видно в лексических парах:

- (1) *мастер* ~ *профессионал*;
- (2) *мой парень* ~ *мой бойфренд*;
- (3) *халявщик* ~ *изживенец*;
- (4) *очень плохо* ~ *крайне неудовлетворительно*;
- (5) *убийца* ~ *киллер*.

Лексемы *мастер* и *профессионал* (1) часто используются как синонимы, однако в их семантике и сфере употребления есть один существенный отличительный признак: *мастер* (=умелец) — безусловно и безотносительно положи-

тельная характеристика (*Фабий становился замечательным живописцем – уже не простым любителем, а мастером*. Тург. Песнь торж. любви); *профессионал* (=специалист) – характеристика хотя тоже скорее положительная (ср.: *Он настоящий профессионал в стране любителей*), но более узкая, функциональная. *Мастер* прежде всего приносит пользу людям, служит им и отчитывается за свои действия перед Богом; *профессионал* вступает с обществом в рациональные взаимовыгодные отношения и если перед кем отчитывается, то только перед работодателем и другими (лучшими) профессионалами. В целом *мастер* является более важным концептом в русской языковой картине мира, это более частотное слово в речи, обнаруживает большую способность к метафоризации и фразеологизации (*мастер на все руки, мастер своего дела, рука мастера, дело мастера боится*), в то время как лексема *профессионал* не способна ни к тому, ни к другому.

Оппозицию (2) образуют почти абсолютные синонимы, однако в их семантике и сфере употребления есть один существенный отличительный признак: выражение *мой бойфренд* лишено той задушевности и громадного многообразия возможных ситуаций, человеческих чувств, отношений, которые стоят за *мой парень*: *мой бойфренд* (в современной русской речи) есть подчеркнуто статусная, функциональная характеристика.

В оппозиции (2) правый член представлен лексемой заимствованной, причем в самые последние годы. В оппозиции (3), наоборот, левый член, представленный новообразованием, противопоставит правому исконному, хотя основание противопоставления очень похоже. В оппозиции (1) оба члена представлены не заимствованиями (или, по крайней мере, не заимствованиями последнего времени: *мастер* заимствуется из греческого уже к X в.; *профессионал* – в XIX в. из французского [Шанский, Боброва 1994]).

В оппозиции (4) члены отличаются функционально-стилистически: правый относится к официально-деловому стилю. В целом явление, о котором идет речь, имеет много общего с оппозицией, в которой находится официально-деловой стиль по отношению ко всем остальным стилям (и с оппозицией «пер-

сональный дискурс ~ ритуальный дискурс»), однако во всех остальных рассматриваемых оппозициях данное функционально-стилевое противопоставление отсутствует.

Оппозицию (5) образуют два слова, называющие человека, который совершает или совершил деяния, несовместимые с общечеловеческими представлениями о морали. Их семантика значительно различается: *убийца* – это тот, кто *убил*; *киллер* (наемник) убивает людей за деньги. Для лексемы *убийца* на первый план выходит нравственно-этическая оценочность. В недавно заимствованном из английского слова *киллер* нравственно-этическая оценка как будто бы снята. В действительности, конечно, оба слова имеют яркую отрицательно-оценочную семантику, при этом оппозиция *киллер* ~ *убийца* включается в систему оценок [P] ~ [-P], где *киллер*, пожалуй, более маркированный член, чем *убийца*. Дело в том, что *убийца* всё же оценивается по законам человеческих отношений, тогда как *киллер* исключен из этой сферы, а следовательно, это «еще хуже». Обращает на себя внимание содержательная близость лексем *киллер* и *профессионал*; часто они используются в одних и тех же контекстах, иногда как синонимы.

В русском языке существует множество оппозиций, подобных (1)–(5): *совесть* ~ *нравственность*, *этика*; *народ* ~ *население*, *электорат*; *родной* ~ *казенный*; *начальник* ~ *руководитель*, *менеджер*; *интеллигент* ~ *интеллектуал*; *банда*, *шайка* ~ *группировка*; *жалеть* ~ *сочувствовать*, *соболезновать*; *справедливый* ~ *легитимный*, *правовой*; *добро* ~ *благосостояние*; *муж* ~ *супруг*; *любимый* ~ *сожитель*; *везение* ~ *успешность*; ... ~ *состоявшийся*; *вожак* ~ *лидер*; *друг* ~ ...; *известный* ~ *раскрученный*; *дом* ~ *быт*; *любить*, *жалеть* ~ *уважать*; *злиться* ~ *негодовать*; *работа* ~ *деятельность*; *душевный* ~ *бездушный*...

Лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; есть отчетливая тенденция к тому, что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен

исконным словом, правый – заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый – нейтральную или положительную, однако данная тенденция не прослеживается до конца (подробнее см.: [Дементьев 2007]).

Следует отметить, что противопоставление персонального и статусного регистров относится к наиболее актуальным проблемам западной (прежде всего англоязычной) философии, культурологии и лингвокультурологии (например, [Fox 2005; Goffman 1972; Schiffrin 1994; Tannen 1986]). Во многом данные исследователи следуют за Й. Хейзингой [1992], который выявил и описал оппозицию «игра ~ работа» как, с одной стороны, жизненно важную для современного человека, с другой стороны, – универсальную.

Русская система оценок [P] ~ [-P], о которой мы говорим, однако, не универсальна. Как уже отмечалось, в русской культуре подлежит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [P] ~ [-P]: *функционер, чинуша, службист, крючок и крючоктвор, казенный и казёнцина, муштра, аппаратчик, карьерист, кагэбэшник* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие – нет). Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [P] ~ [-P]: *душевный (задушевный), друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [P] ~ [-P] в фразеологизме *Не в службу, а в дружбу*. Оппозиция *душевный ~ бездушный*, образованная двумя словообразовательными производными от *души*, может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [P] ~ [-P].

В историческом и общекультурном контексте русская полярная оппозиция [P] ~ [-P] менее значима, чем базовая для христианской, православной идеологии оппозиция добродетельного ~ греховного, однако первая в значительной степени накладывается на вторую. Так, основным устоям православной морали (в отличие от католической) в наибольшей мере противоречит идея государства, присваивающего себе функции Храма, и прежде всего – прерогативу вер-

шить нравственный суд [Бердяев 1998; Ключевский 1989; Флоренский 1990]. Член оппозиции [-P] в этом случае – государство, присваивающее себе исключительное право на истину, что само по себе оценивается однозначно отрицательно. Если за членом [P] стоит честный, «человеческий» поиск истины – поиск, который, естественно, может привести человека как к правильному, так и неправильному решению, то [-P] – это выбор заведомо неправильный и порочный.

Неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P] обусловлена спецификой русской (в том числе новейшей) истории. Разные эпохи наполняют оппозицию [P] ~ [-P] разным идеологическим содержанием.

В периоды всевластия бюрократии (петровская и особенно николаевская эпоха с возвышением Петербурга и его «нерусских» правил жизни; советская эпоха с ее атеизмом и интернационализмом) данная оппозиция проявлялась особенно явно. Эти эпохи, как известно, принесли небывалый официоз и казенщину и вызвали к себе в широких народных массах, с одной стороны, ненависть, с другой стороны, – множество карнавальных текстов, паремий, номинаций. Ср. отражение данной оценки в русской классике XIX века: «Медный всадник» Пушкина, «Дума» Лермонтова, «Ревизор» Гоголя, «Былое и думы» Герцена... (Обширный список современных художественных произведений, в которых выявляется античеловеческая сущность советской власти, является открытым и продолжает пополняться.)

Исторические изменения оппозиции [P] ~ [-P] могут иметь значительно более глубокий характер. Может существенно меняться сам характер отношений между членами оппозиции. В некоторые периоды наблюдается неестественное расширение сферы употребления одного из членов за счет другого. Так, гипертрофированная роль правого члена в русской культуре породила *канцелярит* – явление, впервые описанное К.И. Чуковским [1990]. По-видимому, можно также усмотреть связь между гипертрофированным развитием левого члена оппозиции [P] ~ [-P] и изменениями языка СМИ, характерными для России перестроечного и постперестроечного периода. Сознательная установка на разго-

ворность, доходящая до жаргонизации и вульгаризации (звучали обвинения в падении уровня культуры журналиста, отсутствии как языковых, так и нравственных ограничителей, распушенности, вседозволенности – см., например: [Коньков 2002; Сиротина 2003]), есть не что иное, как реакция на ненавистный новояз советского периода.

В этом отношении весьма показательны некоторые факты из истории русской литературы.

Так, в связи с историей оппозиции «*мастер ~ профессионал*» в русском языке XX века следует отметить роль ряда русских писателей, которые, с одной стороны, представляют и отображают в своих произведениях данную оппозицию, осмысливают ее значение и эволюцию, более или менее тесно связывают с основным конфликтом и замыслом произведений, с другой стороны, – сами способствуют ее развитию и закреплению в русском языке новейшего периода в более современном значении.

Особенно часто находим обращение к данной теме в прозе Михаила Булгакова, для которого проблема творчества, творца была одной из ключевых [см. Гаспаров 1988-1989; Дунаев 1999; Творчество Михаила Булгакова 1991-1995; Яблоков 1997 и др.]. Писатель воспевал творческий поиск как основу деятельности ученых, представителей одной из собственных специальностей – врачей (Филипп Филиппович, Персиков). Еще больше это касалось литературной деятельности – главного жизненного поприща Булгакова. Недаром *мастер-писатель* оказался в названии главного романа его жизни.

По-видимому, в 20-30 годы, когда творил Булгаков, данная оппозиция как разновидность общей оппозиции [P] ~ [-P] еще не сложилась. Содержательное противопоставление «*мастер ~ профессионал*» становится актуальным в последние 40-50 лет, что совпадает по времени с настоящим осмыслением наследия Булгакова.

Несомненно, великий писатель тонко чувствовал некоторые важные тенденции в семантике русского языка, а также в общественном сознании 20-х – 30-х гг. Следует отметить, что для того времени было несколько необычным

решение Булгакова использовать слово *мастер* для обозначения писателя (тем более выносить в название романа в этом значении). Как известно, это было полемическим решением по отношению к современникам Булгакова – писателям и поэтам «серебряного века» [см.: Лакшин 1993].

В то же время одной из постоянных мишеней сатиры Булгакова (антисоветской по существу) был непрофессионализм советской власти. Главная оппозиция произведений 20-х гг. – великолепный *профессионал* (носитель культурного наследия предшествующей эпохи и одновременно здравого смысла) ~ *профан* (представитель новой власти): Филипп Филиппович ~ Швондер, Персикив ~ Рокк...

Казалось бы, *мастер* (например, в «Мастере и Маргарите» – а сатирическая составляющая романа очень значительна) и должен быть противопоставлен *непрофессионалу*, *профану*. В действительности же оппозиция «*профессионал* ~ *непрофессионал*» почти перестает быть актуальной в «Мастере и Маргарите»: конечно, Иван Бездомный – профан, но профан, стремящийся учиться. Главным же антагонистом Мастера выступает Берлиоз, а также Латунский, Алоизий Могарыч [Арсланов 1989; Подгаец 1991] – несомненно, по-своему очень компетентные *профессионалы*.

Таким образом, центральным в романе становится противопоставление «*мастер* (=творец, талантливый и честный труженик) ~ *профессионал* / *специалист* (=образованный прислужник лживой, антитворческой и, следовательно, античеловеческой власти)».

Обращает на себя внимание то, что в тексте повестей «Собачье сердце» и «Роковые яйца» вообще нет слов *мастер* и *профессионал*: никто из исследователей-творцов никогда не был назван так.

Несмотря на отсутствие слова, Филипп Филиппович в начале повести – ярко выраженный *профессионал*: живет в барской роскоши – в голодной, задыхающейся от нищеты, истекающей кровью Москве двадцатых годов, а главное – демонстрирует индивидуалистическую жизненную философию западного толка; ср. его пафосные речи о «разделении труда» (*В Большом пусть поют, а я*

буду оперировать. Вот и хорошо. И никаких разрух...), отказ помогать детям Германии (причем объясняет свой отказ тоже как *профессионал*: только рационально-рассудочные аргументы, где нет места нерассуждающему состраданию). Профессор готов с хладнокровием *профессионала* (недрогнувшей рукой и без ненужных сожалений) отправить на заклание *милейшего пса* – если нужно «ради дела»; наконец, он оперирует исключительно богатых, преимущественно аморальных людей (не показано ни одного случая, когда он спасает бедного человека или отказывается от вознаграждения), а стало быть, только ради денег.

Однако таким он остается недолго: в критической ситуации Филипп Филиппович говорит и действует совершенно иначе. Он переживает *нравственные* мучения, чувствует свою ответственность перед Истиной и перед Богом. Собственно, трансформация взглядов Филиппа Филипповича, его прозрение и раскаяние, фактически означающие отказ от мировоззрения *профессионала*, составляют главный конфликт повести:

– Если бы кто-нибудь, – сладострастно продолжал Филипп Филиппович, – разложил меня здесь и выпорол, – я бы, клянусь, заплатил бы червонцев пять! «От Севильи до Гренады...» Черт меня возьми... Ведь я пять лет сидел, выковыривал придатки из мозгов... Вы знаете, какую я работу проделал – уму непостижимо. И вот теперь, спрашивается – зачем? Чтобы в один прекрасный день милейшего пса превратить в такую мразь, что волосы дыбом встают. <...> Одним словом, гипофиз – закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное! «От Севильи до Гренады...» – Свирепо вращая глазами, кричал Филипп Филиппович, – а не общечеловеческое. Это – в минитюре – сам мозг. И мне он совершенно не нужен, ну его ко всем свиньям. Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался. Неужели вы думаете, что из-за денег произвожу их? Ведь я же все-таки ученый.

Безусловно, здесь Филипп Филиппович рассуждает совершенно «как мастер».

Очень интересно следующее его высказывание:

А бросать коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, простите... Я – московский студент, а не Шарилов.

Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож на французского древнего короля.

Как видим, речь вновь идет о нравственных материях. Кстати, несложный подсчет показывает, что Филипп Филиппович родился примерно в 1865 г. (ровесник Александра Ульянова), и если сохранил до старости представления о нравственности, воспитанные в студенчестве (а это вторая половина 1880-х – время, когда понятие чести, интеллигентности и нравственного долга были настоящими жизненными ориентирами для лучшей части студенчества), это означает, что он живет, мыслит и чувствует далеко не как *профессионал*.

В целом семантика слова *мастер* обусловлена внутренней формой: *мастер* < *мастерить*, т.е. делать что-то творчески, при этом *руками*; другие значения мотивированы данной внутренней формой: *мастер* – это тот, кто творчески создает, производит что-то. Поэтому писателя можно назвать *мастером*, а профессора (и Филиппа Филипповича) – нет.

Думается, есть еще одно противопоставление, не столь явное, но не менее важное: *мастер* – это *творчество*, которому, как это в целом характерно для оппозиций типа [Р] ~ [-Р], противостоит некая рациональная, интеллектуально-логическая деятельность. Идеи «руками» и даже «производит» могут быть опущены, но идея творчества всегда остается; поэтому *мастером* могут быть названы и, например, изощренный манипулятор (*мастер уходит от ответственности*), и искусный соблазнитель...

Почему же не могут быть названы *мастером* профессор, ученый, преподаватель, редактор? Думается, дело не в отсутствии творчества, а в том, что в семантике этих слов подчеркивается и выходит на первый план интеллектуально-логическая деятельность.

Точно так же и Филипп Филиппович, несмотря на все его нравственные метаморфозы, упоминание «московского студента», занят прежде всего (по крайней мере, с точки зрения языка) интеллектуальным, рациональным – а уже после творческим трудом.

Профессор и ученый не могут быть названы также *профессионалом*, но по совершенно другой причине: в семантике этих слов уже присутствует *высшая степень профессионализма*; для преподавателя, репетитора, редактора оценка *профессионал* актуальна и желательна.

Почему нет лексемы *творец* (например, по отношению к Мастеру, Филиппу Филипповичу и т.д.)? Творец (с большой буквы) – только Бог, за высокомерие таких притязаний Булгаков осуждает и наказывает (Филиппа Филипповича, гораздо более сурово – Персикова). В то же время из всех оценочных лексем, обозначающих квалифицированный труд, умения *мастер* (в том числе в нравственном своем значении) ближе всего к *творцу*: «*Мастер* означает творец, создатель, демиург, художник, а не ремесленник. Булгаковский герой – Мастер, и это сближает его с Творцом – создателем, художником-архитектором, автором целесообразного и гармоничного устройства мира» [Крючков 2003: 218].

Счёт, который Булгаков предъявляет новой власти за гонения на Творца в «Собачьем сердце» и особенно в «Мастере и Маргарите», только отчасти сводится к «непрофессионализму», к тому, что «все занимаются не своим делом» [см.: Проффер 1991]: главное, на оппозицию «*профессионал ~ непрофессионал*» накладывается важнейшая, нравственная оппозиция: Пророк (*Мастер*) ~ безнравственная власть (в ранних произведениях представителем власти выступает дилетант-профан, как Швондер в «Собачьем сердце», позднее – уже настоящий *профессионал*, как Берлиоз). Несомненно, тот факт, что Берлиоза воландовская команда наказывает наиболее жестоко, означает, что оппозицию *мастер ~ профессионал* Булгаков считал главной, давал нравственную оценку выбору в качестве жизненной позиции безнравственного *профессионализма*.

В советской идеологии, с которой была в корне несовместима идея, что *зарплата* должна быть *заработанной*, *профессионала* не жаловали – именно в силу того, что за этой лексемой стоят некие взаимовыгодные (а следовательно, «рыночные», товаро-денежные) отношения с обществом; лексема *профессионал* часто использовалась как отрицательно-оценочная, своеобразный символ отношений в мире чистогана – как в официальных партийных СМИ (*Ни у кого*

здесь нет ни малейших сомнений в том, что действовал *профессионал*, в руки которого вложили оружие расистские власти Претории. (В. Прокофьев. Выстрелы на улице Петит-Экюри // «Труд», 1988.04.01), так и во вполне неофициальных текстах, например, песне В. Высоцкого о канадских хоккеистах (*Профессионалам / зарплата навалом ... А наши ребята / за ту же зарплату / Уже пятикратно уходят вперед*).

В России позднесоветского периода оппозиция «мастер ~ профессионал» осмыслиется уже несколько иначе: противопоставляя «общечеловеческие ценности» коммунистическому кликушеству, многие интеллигенты «реабилитировали» *профессионала* как своеобразный символ «свободного мира», свободной самореализации личности, здоровых отношений в обществе.

Перестроечная идеология вообще сделала *профессионала* одной из ключевых идей «нового мышления», наряду со *свободным предпринимательством* и *хозрасчетом*. Резко меняется отношение к *профессионалам* в спорте (прежде всего хоккеистам). В СМИ этого периода *профессионал* – одно из наиболее частотных слов, при этом используется практически исключительно как ярко-положительная оценка, как символ того, чего больше всего недостает СССР для достойного существования в соответствии с общечеловеческими ценностями.

Несомненно, настоящая, подлинно народная слава такого великого романа, как «Мастер и Маргарита», стоит вне времени, особенностей конкретных исторических периодов. Популярность же «Собачьего сердца» (осторожно выскажем предположение, что всё же немного несоразмерная с настоящим художественным значением этого во многом еще ученического произведения) в 1980-е годы, по нашему мнению, прямо связана с названной романтизацией *профессионала* – а наиболее очевидные черты в облике Филиппа Филипповича, как уже говорилось, подчеркнуто принадлежат *профессионалу*. Как не вспомнить мгновенно ставший культовым фильм этого времени, собравший целое созвездие лучших актеров советского кинематографа! Наше предположение о том, что оппозиция «*профессионал ~ непрофессионал*» в «Собачем сердце» в восьмидесятые годы воспринималась более остро, чем в двадцатые, в фильме под-

тверждает диалог между *студентом* и *рабочим*, отсутствующий в оригинальном тексте Булгакова, – диалог ярко выраженных *профессионала* и *профана*:

Студент: *Быть может, на долгие века запомнит человечество это наследие, доставшееся науке от эпохи военного коммунизма. Пусть из этих живущих отдельной жизнью желёз будут созданы особые рабочие станки, специальные фабрики по омоложению и исправлению живых людей!*

(Аплодисменты, крики: «Молодец!» Студент сходит с трибуны, к нему подходит молодой человек пролетарской наружности):

Рабочий: *Я вот тоже: Брокгауза и Евфрона читал. Два тома прочел. Читаешь, читаешь, слова легкие: Мечислав, Богуслав... И убей Бог не помню: какой кто? Книжку закроешь – всё вылетело!*

(Студент пытается уйти, рабочий берет его за грудки):

Рабочий: *Помню одно: Мандриан! Какой, думаю, Мандриан? Нет там никакого Мандриана! Там, с левой стороны, два Бронецких. Один – господин Андриан, другой – Мариан. А у меня Мандриан!.. А у меня Мандриан...*

Показательно, что позднейшие процессы в русском языке, о которых здесь шла речь, в частности, судьба лексем *мастер* и *профессионал* в позднесоветскую и постсоветскую эпоху (включая позднейшие прочтения текстов Булгакова), были во многом предвосхищены великим художником.

Противопоставление «логично-рассудочное ~ эмоционально-душевное» чрезвычайно широко отображено в классической русской литературе. Интересно, что здесь в качестве «нового» периодически появлялись носители именно рассудочного, рационального начала: Петр Иванович и особенно Штольц у Гончарова, Базаров у Тургенева, Раскольников, Иван Карамазов – у Достоевского.

Особенно же очевидно появление этого «нового» было в романе Чернышевского «Что делать?»

В целом весьма показательно, что персонажей, подобных названным, в целом появлялось совсем немало на протяжении одного только XIX века, но *каждый раз* они объявлялись *новыми* (у Чернышевского это вообще терминологическое употребление, вошедшее в литературоведческий обиход: *новые люди*) – из чего следует, что *ни один* такой «рациональный» тип *настоящему* не прижился ни в литературе, ни в жизни.

В то же время в каждом литературном произведении, где *новые люди* появляются, как правило, решается трудная нравственная проблема: практически всегда (за исключением «Что делать?» Чернышевского) это разумное, рассудочное, рационально-логичное начало проигрывает – а иногда даже бывает однозначно осуждено, заклеено и автором, и всем ходом развития повествования – ср. таких персонажей, как «умеренный и аккуратный» Молчалин и обладатель «мертвой души» Чичиков... Достоевский, как известно, заклеил теорию рационально-разумного эгоизма, нарисовав в образе Лужина беспощадную пародию на *новых людей*.

Дальнейшее изучение этих проблем, связанных с русской личностной оценочностью, представляется актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланов В. За что казнил М. Булгаков М. А. Берлиоза? // Вопросы литературы. 1989. № 8.
- Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). М., 2002.
- Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 10-12; 1989. № 1.
- Дементьев В. В. Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. Вып. 7.
- Дементьев В. В., Рогачева Н. Б. Сопоставление культур через посредство категории «коммуникативный идеал» // Stylistyka XV. 2006. Opole, 2006.
- Дунаев М. М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Пермь, 1999.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Ключевский В. О. Курс русской истории // В. О. Ключевский. Соч. в 9 тт. / Под ред. В.П. Янина. Т.5. М., 1989.
- Коньков В. И. СМИ как речевая система // Мир русского слова. М., 2002. № 5.
- Крючков В. П. «Еретики» в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков. Саратов, 2003.
- Лакишин В. Я. О Доме и Бездомье (Александр Блок и Михаил Булгаков) // Литература в школе. 1993. № 3.

- Лотман М. Ю., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1.
- Подгаец О. А.* Бездомный, Латунский, Рюхин и другие // Русская речь. 1991. № 3.
- Проффер Э.* Художник и власть: По страницам романа «Мастер и Маргарита» // Иностранная литература. 1991. № 5.
- Сиротинина О. Б.* Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.
- Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография / Под ред. Н. А. Грозновой и А. И. Павловского. Кн. 1-3. Л., 1991-1995.
- Уваров М. С.* Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998.
- Флоренский П. А.* Столп утверждение истины (I). Т. 1. М., 1990.
- Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Чуковский К. И.* Живой как жизнь // Чуковский К.И. Собр. соч. в 2-х томах. Т.1. М., 1990.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира. М., 2002.
- Яблоков Е. А.* Мотивы прозы Михаила Булгакова. М., 1997.
- Fox K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder & Stoughton, 2005.
- Goffman E.* Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth, 1972.
- Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford; Cambridge, 1994.
- Tannen D.* That's not what I meant: How conversational style makes or breaks your relations with others. New York, 1986.